

Проб.
Визначення Казань
М. Я. П.

Проф. М. Я. Пергаментъ.

автор

3232

116822 зр.

ПАМЯТИ
РЭМОНА САЛЕЙЛЯ.

(1855—1912).

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Бр. В. и И. Линникъ. Невскій пр., 126/2.

1916.

Проф. М. Р. Лодзянский

Handwritten notes in the top right corner, including the number 11.

ПАНДИТ
РАМОКА ЧАДЕНДРИ

1916

Handwritten notes on the right side, including the number 24.

UNIVERSITY OF CHENNAI
LIBRARY

Памяти Рэмона Салеяля.

(1855 — 1912).

Неблагодарность — проявление низменной души въ отдѣльномъ человѣкѣ — свидѣтельствуетъ о некультурности и отсталости, когда дѣло идетъ о цѣлой націи, когда страна неспособна стать на надлежащую высоту въ святомъ дѣлѣ признанія и оцѣнки своихъ лучшихъ людей.

Франція — и вообще безконечно далекая отъ даннаго грѣха — не оказалась въ немъ повинна и по адресу Салеяля.

Съ рѣдкимъ единодушіемъ, съ необыкновенною теплотой и глубокой, неподдѣльной скорбью представители французской юридической науки отозвались на преждевременную кончину своего выдающагося соотечественника и товарища.

Они Салеялю не только посвятили длинный рядъ некрологовъ и статей, въ которыхъ стремились всесторонне охарактеризовать покойнаго, воздать должное его крупнымъ достоинствамъ и заслугамъ. Нѣтъ, уже весьма скоро послѣ смерти Салеяля французская наука даритъ насъ цѣлою монографіей о немъ, написанною однимъ изъ его преданнѣйшихъ учениковъ, проникнутою въ одинаковой мѣрѣ и пietetомъ къ почившему учителю и уваженіемъ къ его трудамъ ¹⁾.

А двумя годами позже тѣ же французскіе юристы выпускаютъ въ свѣтъ книгу — прекрасную, по истинѣ, книгу — снова посвященную ушедшему соратнику и другу. Данному — уже коллективному — плоду мысли и чувства вид

¹⁾ „Raymond Saleilles par E. Gaudemet“, въ „Revue bourguignonne de l'Université de Dijon“ 1912, XXII, 4.

вѣйшихъ представителей науки права во Франціи дано заглавіе: „L'Oeuvre juridique de Raymond Saleilles“—заглавіе, которое, пожалуй, можно бы всего ближе передать словами: „Дѣло жизни Салейля въ области права и правовѣдѣнія“. Въ этой книгѣ, насчитывающей свыше шестисотъ страницъ, собрались и объединились лучшіе цивилисты, а отчасти и публицисты, извѣстные теоретики и историки права—здѣсь и Gény и Capitant, и Michoud и Meunier, и Tissier и Massigly, и Thaller и снова Gaudemet, и друг., — чтобы изложить и освѣтить жизненный трудъ Салейля съ точекъ зрѣнія сдѣланныхъ имъ вкладовъ—вкладовъ въ общее ученіе о правѣ и науку сравнительнаго права, въ исторію права и, въ частности, въ римское право, въ положительное законодательство и сферу такъ наз. социальныхъ вопросовъ, въ ученіе о юридическомъ лицѣ и категорію правъ личности, въ догму о владѣніи и обязательствѣ, въ литературу о германскомъ гражданскомъ уложеніи, и т. д. и т. д.—вплоть до вклада въ сокровищницу уголовного права и той немалой лепты, какую Салейлю суждено было внести въ дѣло умиротворенія и устроенія отношеній, когда, еще такъ недавно, во Франціи совершался трудный до боли процессъ обособленія церкви и государства.

I.

Рамонъ Салейль былъ, по преимуществу, автодидактъ. Правда, тогдашняя—средины 70-ыхъ годовъ истекшаго столѣтія—Ecole de Droit въ Парижѣ справедливо гордилась такими именами, какъ романистъ Paul Gide или цивилисты Labbé и Buisson. И не подлежитъ сомнѣнію, что голосу этихъ своихъ профессоровъ молодой студентъ Салейль внималъ съ жадностью, и что ихъ вліяніе было благотворное. Но при всемъ томъ, этого вліянія не слѣдуетъ переоцѣнивать: оно не отличалось ни особенною силою, ни, въ общемъ, продолжительностью.

Не лишено значенія и слѣдующее обстоятельство. Планъ преподаванія на французскихъ юридическихъ факультетахъ того времени оставлялъ желать много лучшаго, онъ былъ построенъ неправильно и едва ли былъ способенъ оказать на живого, талантливаго юношу мало-мальски увлекатель-

ное, положительное дѣйствіе. Отсюда — по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ — „глубокое разочарованіе“, охватившее Салейля, его огорченіе и недовѣріе — чувства, о которыхъ онъ самъ свидѣтельствуетъ впоследствии. „Подумайте только, пишетъ онъ: насъ сразу и безъ дальнѣйшаго сажали за статьи закона — сажали, не предпославъ ни вступленія, ни какого-либо изложенія общихъ началъ, и даже безъ выясненія намъ системы юридическихъ предметовъ и областей. Мы должны были всецѣло и исключительно подчиняться порядку, усвоенному Наполеоновымъ кодексомъ — порядку, быть можетъ, и превосходному съ точки зрѣнія законодательной, но отвратительному съ точки зрѣнія порядка и плана преподаванія“. ¹⁾

Нѣтъ, всѣмъ или почти всѣмъ Салейль обязанъ не иному кому, какъ самому себѣ. По правильному замѣчанію Thaller'a, онъ былъ настоящей „self made man“. Его образованіе широкое и глубокое, было — самобразованиемъ въ полномъ смыслѣ слова. При этомъ счастливѣйшую и, вѣроятно, рѣшающую роль сыграло прекрасное знаніе языковъ. Оно дало Салейлю возможность приняться за изученіе иностранныхъ законодательныхъ системъ, иностранной судебной практики, иностранной юридической литературы. Салейль много работаетъ надъ англійскими „прецедентами“ и надъ итальянскимъ правомъ; въ концѣ жизни онъ углубляется въ занятія новосозданнымъ швейцарскимъ гражданскимъ уложеніемъ, но, конечно, больше всего и охотнѣе всего Салейль учится у... нѣмцевъ — у нѣмецкихъ юристовъ-теоретиковъ и на почвѣ такъ наз. В. Г. В.

Вліяніе на Салейля Германіи, германскаго правового міра — внѣ всякаго сомнѣнія и спора. Но это вліяніе было не только несомнѣнное, но и — огромнѣйшее.

Оно, прежде всего, самымъ явнымъ образомъ сказывается въ монографическихъ изслѣдованіяхъ французскаго ученаго. Такъ, напр., въ его извѣстныхъ работахъ о владѣніи. Здѣсь Салейль сперва занимаетъ своего рода среднюю позицію между ученіями Савиньи и Іеринга, но затѣмъ все болѣе и болѣе приближается къ Іерингу, выдвигая, по вопросу о психологическомъ элементѣ во владѣніи, взглядъ,

¹⁾ Gaudemet въ указ. соч. стр. 167 и сл.

очень близко подходящій къ воззрѣнію знаменитаго геттингенскаго юриста.

То же самое наблюдается и въ крупнѣйшемъ, вѣроятно, изъ всѣхъ трудовъ Салейля. Мы говоримъ о его „Personnalité juridique“, гдѣ авторъ въ основу своего построения кладетъ теорію реальностей и тѣмъ самымъ, весьма естественно, обнаруживаетъ свое сочувственное отношеніе, свою научную связь въ данномъ вопросѣ съ Гирке и школою германистовъ.

Мимоходомъ отмѣтимъ: и въ настоящемъ трудѣ и въ другихъ работахъ изъ той же области о юридическомъ лицѣ нетрудно констатировать, насколько авторъ проникнуть и вниманіемъ и симпатіей къ такимъ институтамъ германскаго права, какъ, положимъ, „gesammte Hand“ или „Genossenschaft“, насколько прочно они успѣли овладѣть умомъ Салейля.

Этого, однако, мало. Неоспоримое, сильнѣйшее вліяніе нѣмецкой юридической мысли отражается не только на отдѣльныхъ вопросахъ, какъ бы значительны они въ остальномъ ни были. О томъ же говорятъ цѣлые отдѣлы, цѣлыя части системы гражданскаго права.

Въ 1888-омъ году заканчивается первый фазисъ подготовленія германскаго гражданскаго кодекса. Выходитъ въ свѣтъ „Первый проектъ“ кодекса—его текстъ вмѣстѣ съ извѣстными „Мотивами“. Немедля, съ величайшимъ рвеніемъ и прилежаніемъ, Салейль садится за изученіе даннаго продукта нѣмецкаго законодательнаго творчества и уже вскорѣ издаетъ свой фундаментальный „Опытъ общей теоріи обязательства по проекту германскаго гражданскаго уложенія“ (1890, 2-ое изд. 1901). Въ этой книгѣ—образцовой: многими именно ей отдается пальма первенства среди трудовъ Салейля—собраны, кристаллизованы, выяснены всѣ главнѣйшіе результаты, выработанные нѣмецкою наукою въ настоящей части гражданской системы. Но нельзя не подчеркнуть еще другое. Кто хорошо знакомъ съ этой книгой, кто въ нее вчитывался и вдумывался, для того не тайна, что отношеніе автора отнюдь не исчерпывается сообщеніемъ итоговъ, добытыхъ по ту сторону Рейна. Далекое вѣтъ. Эти итоги и направленіе обязательственнаго права, въ нихъ выразившееся; то будущее, которое здѣсь начинается

обрисовываться,—все это производить на Салейля необыкновенно мощное дѣйствіе, захватываетъ его самого, усваивается имъ на началахъ чего-то уже почти собственного, раздѣляемаго въ главнѣйшихъ положеніяхъ и стремленіяхъ.

Когда позже, вслѣдъ за опубликованіемъ германскаго уложенія, французскій (учрежденный министерствомъ юстиціи) „Комитетъ иностраннаго законодательства“ предпринимаетъ нелегкое дѣло перевода названнаго уложенія, перевода съ обширными примѣчаніями, своего рода комментаріемъ,—Салейль спѣшитъ взять на себя отдѣль обязательствъ, къ которому потомъ добавляетъ еще и общую часть германскаго кодекса.

Данное начинаніе побуждаетъ Салейля углубиться, погрузиться въ вопросъ о волеизъявленіи и приводитъ, въ своемъ конечномъ результатѣ, къ обогащенію французской юридической литературы новымъ капитальнымъ произведеніемъ его пера—извѣстною монографіей „De la déclaration de volonté“¹⁾.

Не менѣе интересно, что независимо отъ работы надъ отмежеванной ему частью, Салейль и вообще сыгралъ перво-степенную роль въ процессѣ осуществленія задуманнаго французскаго изданія В. Г. В. Онъ былъ, положительно, душою всего предпріятія; не иной кто какъ онъ являлся истиннымъ „spiritus rector“, двигавшимъ дѣло—во все продолженіе дѣла, на пространствѣ свыше десяти лѣтъ. Это фактъ всѣми признанный. Недаромъ Салейль, говоря о нѣмецкомъ кодексѣ, порою называлъ его съ шутиливой нѣжностью: „Мое германское уложеніе“.

Слѣдующая книга Салейля, сюда же относящаяся (мы говоримъ о его „Введеніи въ изученіе германскаго гражданскаго права“, написанномъ „по поводу“ перевода, о которомъ только-что сказано²⁾), даетъ намъ и объясненіе такого отношенія, подобныхъ чувствъ къ нѣмецкому законодательному памятнику.

„Германскій гражданскій кодексъ,—пишетъ Салейль въ 1904 году,—есть наиболѣе значительное твореніе всего сей-

¹⁾ Полнѣе: „De la déclaration de volonté. Contribution à l'étude de l'acte juridique dans le Code civil allemand (art. 116 à 144)“ (1901).

²⁾ „Mélanges de droit comparé I. Introduction à l'étude du droit civil allemand à propos de la traduction française du Bürgerliches Gesetzbuch“.

часъ истекшаго столѣтія. Онъ не только завершаетъ и содержитъ, въ себѣ одномъ, все научное движеніе XIX вѣка: ему еще суждено служить отправною точкою новаго всеобщаго развитія права. Онъ станетъ... источникомъ, который пробудитъ и опредѣлитъ правовое движеніе... Его вліяніе вскорѣ будетъ рѣшающимъ"... (стр. 3).

Однако даже это еще далеко не все по части значенія для Салейля германскаго юридическаго міра. Еще важнѣе, много важнѣе кажется намъ другое. Мы разумѣемъ вліяніе, которое на нашего автора имѣла все та же германская юридическая наука, но въ области уже не гражданско-правовой, а несравненно болѣе обширной и глубокой—въ области общихъ началъ права, такъ наз. общей теоріи и, пожалуй, философіи права.

Вліяніе здѣсь на французскаго ученаго его нѣмецкихъ товарищей по оружію дотого несомнѣнно и, къ тому же, въ такой мѣрѣ прямодушно неразъ засвидѣтельствовано самимъ Салейлемъ, что настаивать на немъ было бы излишне. Мы поэтому ограничимся лишь тѣмъ, что напомнимъ о немногихъ только фактахъ, сдѣлаемъ два-три сопоставленія.

Въ занимательной и нашумѣвшей статьѣ, помѣщенной въ первомъ томѣ „Revue trimestrielle de droit civil“, Салейль выдвигаетъ вопросъ объ „Исторической школѣ и естественномъ правѣ“. Въ противоположность Савиньи и Пухтѣ и ихъ послѣдователямъ, онъ полагаетъ, что естественное право далеко не есть „химера“: напротивъ того, оно даже—необходимость. Соответственно, утверждаетъ Салейль, мы въ настоящее время стоимъ предъ „возрожденіемъ естественнаго права“, но только—„обновленнаго и преобразованнаго“. Въ чемъ же, спрашивается, заключается это обновленіе, эта трансформация?

Салейль отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, думаетъ онъ, идея естественнаго права, очевидно, не иное что, какъ идея разума и справедливости, а, съ другой стороны, ясно, что „не существуетъ ни одного такого примѣненія идеи справедливости, которое, взятое само по себѣ и изолированное отъ своей соціальной обстановки, было бы вправѣ притязать на неизмѣнность, силою принципа абсолютной истины“. А если такъ, то не можетъ также подлежать сомнѣнію, что въ одинаковой степени безспорны:

и законность естественнаго права, и его относительность, его зависимость отъ условій мѣста и времени, адекватность послѣдовательнымъ этапамъ историческаго развитія. Эту же мысль Салейль формулируетъ еще нѣсколько иначе. „Мы находимся—заявляетъ онъ—на почвѣ естественнаго права, но, по счастливому выраженію Штамллера, вопросъ идетъ о естественномъ правѣ съ переменнымъ содержаніемъ (à contenu variable): *ein Naturrecht mit wechselndem Inhalt*“ (стр. 97).

Кто знакомъ съ удѣльнымъ вѣсомъ идеи естественнаго права въ доктринѣ Салейля, тотъ не станетъ недооцѣнивать настоящаго вліянія, оказаннаго германскимъ юристомъ-философомъ.

Но разумѣется,—спора нѣтъ: значеніе Штамллера для правовоззрѣнія Салейля сравнительно все же слабо и меркнетъ предъ значеніемъ въ томъ же смыслѣ другаго главаря германскаго научнаго правовѣдѣнія — Рудольфа Іеринга.

Близость между Салейлемъ и Іерингомъ такъ велика, что ихъ во Франціи нерѣдко сравнивали между собою, а по отзыву столь компетентнаго судьи, какъ Génу, повидимому, Салейль даже избралъ себѣ Іеринга въ качествѣ просто образца ¹⁾.

И опять-таки: это сужденіе Génу едва ли можетъ вызвать удивленіе въ тѣхъ, кто болѣе или менѣе серьезно изучалъ нашего автора.

На заглавномъ листѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ сочиненій Іеринга читаемъ: „Цѣль—творецъ всего права“.

Въ предисловіи къ другой своей книгѣ: „*Der Besitzwille. Zugleich eine Kritik der herrschenden juristischen Methode*“ Іерингъ замѣчаетъ, что она написана исключительно для того, чтобы на примѣрѣ ученія о владѣльческой волѣ „наглядно изобразить противоположность двухъ методовъ въ правовѣдѣніи: формалистическаго или діалектическаго и реалистическаго или телеологическаго“. Къ этому авторъ присовокупляетъ: „изъ двухъ заданій, на которыя указываетъ заглавіе нашей работы, первому принадлежитъ второе мѣсто, а второму—первое“.

¹⁾ См. „L'Oeuvre“ стр. 39.

За Иерингомъ и Салейль повторяеть: „Важно лишь одно: достиженіе цѣли“. А потому, продолжаетъ онъ, важенъ и разуменъ методъ не акріорный, не дедуктивный, а „цѣлевой“, „телеологическій“, вѣрна и необходима логика не формальная, а „раціональная“, „соціальная“.

Въ другомъ мѣстѣ, обращаясь къ своимъ слушателямъ, Салейль учить такъ: „Конструкція опредѣляется первоначальной цѣлью, побудившею взяться за построение,—тѣмъ результатомъ, который будетъ выведенъ изъ принципа; мы прежде всего желаемъ результата, а уже послѣ того отыскиваемъ принципъ: вотъ генезисъ всякой юридической конструкціи“.

Еще по другому поводу Салейль замѣчаетъ: „Всякій, кто хорошо знакомъ съ образцовыми произведеніями фонъ-Иеринга, согласится, что основа и какъ бы существо всего метода юридическаго толкованія заключается въ моментѣ цѣли (*dans l'idée de but*), *le Zweck im Recht*“¹⁾.

Далѣе. Не присоединяясь въ полной мѣрѣ къ громкому, данному Иерингомъ, опредѣленію субъективнаго права, Салейль въ то же время не считаетъ возможнымъ и отклонить это опредѣленіе въ цѣломъ. Онъ вслѣдствіе того прибѣгаетъ къ соединенію дефиниціи Иеринга съ классическимъ и широко распространеннымъ пониманіемъ субъективнаго права, покоящимся на моментѣ воли. И опредѣленіе у Салейля, на почвѣ слиянія, получается слѣдующее: „субъективное право—это власть, призванная служить интересамъ соціальнаго характера и отправляемая автономною волею сторонъ“²⁾. Нужно ли еще выяснять, что Иеринговскій интересъ („Права суть юридически защищенные интересы“) воспринять, такимъ образомъ, и Салейлемъ?!³⁾

---

¹⁾ См. Предисловіе Салейля къ извѣстному труду Gény „Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif“ (1899) стр. VI; „De la personnalité juridique“, „Troisième leçon“, стр. 45 и сл.; Gaudemet указ. соч. стр. 228 и сл.

²⁾ „Personnalité juridique“, „22-ème leçon“, стр. 543.

³⁾ Вскользь отмѣтимъ еще одно нѣмецкое вліяніе. Много времени и силъ Салейль отдалъ также уголовному праву—отдалъ въ связи съ тѣмъ „порученіемъ“ по преподаванію, которое ему было дано министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1895 году, когда онъ только что былъ переведенъ изъ Дижона въ Парижъ. Въ частности, Салейль-криминалистъ написалъ, кромѣ большаго числа журнальныхъ статей, и настоящую книгу: „L'individualisation de la peine“, выдержавшую два изданія (1898 и 1909), переведенную на англійскій языкъ и

Да—такъ гласить во Франціи всеобщее мнѣніе и признаніе—да, „изъ насъ, французскихъ юристовъ, Салейль всего болѣе ушелъ въ нѣмецкую науку, всего болѣе проникся германскимъ гениемъ“; „Салейль усвоилъ себѣ вплоть до нѣмецкаго способа выражаться и излагать“, онъ „немало страницъ написалъ на нѣмецкій ладъ“, и—въ итогъ: „кто не зналъ происхожденія Салейля, тотъ могъ даже впасть въ опредѣленное на этотъ счетъ заблужденіе“¹⁾.

Мы, очевидно, не собираемся распространяться о томъ, что Салейлю и на мысль не приходило заявлять притязанія на авторство теорій, конструкцій, положеній, обрѣтенныхъ имъ въ германской литературѣ и въ германскомъ правѣ. Салейль всегда и неизмѣнно признавалъ себя не болѣе, какъ послѣдователемъ этихъ идей и положеній, ихъ защитникомъ, лишь преисполненнымъ стремленія обезпечить имъ возможное распространеніе и заботы объ усовершенствованіяхъ и измѣненіяхъ, какія казались необходимыми или полезными. Что Салейль съ максимальной добросовѣстностью и откровенностью всегда называлъ свой источникъ, уже ясно и изъ предыдущаго. При кристальной чистотѣ и рѣдкой безупречности духовнаго облика Салейля, все это, впрочемъ, понятно само собою и развитія не требуетъ или даже не допускаетъ. И потому естественно: въ этомъ смыслѣ не могъ никогда прозвучать и фактически не прозвучалъ ни одинъ упрекъ.

Салейля упрекали въ другомъ.

Можно ли удивляться, что не всѣмъ во Франціи пришлось по вкусу „нѣмецкое“ направленіе нашего автора?

Въ этомъ направленіи усматривали весьма существенные недостатки и минусы—по сравненію съ тѣмъ, что было привычнымъ, было своимъ. Въ „иноземныхъ“ воззрѣніяхъ на право, въ „экзотическихъ“ методахъ его разработки и при-

представляющую „цѣлый трактатъ по исторіи и философіи права“. Именно такъ о ней отзываются компетентнѣйшіе специалисты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, производя весьма высокую оцѣнку какъ данному труду, такъ и вообще работѣ и дѣятельности Салейля въ уголовно-правовой области, тѣ же французскіе криминалисты считаютъ правильнымъ подчеркнуть влияніе на Салейля и здѣсь нѣмецкой науки, въ лицѣ въ данномъ случаѣ—Листа. „Saleilles s'est souvent inspiré des travaux de von Liszt“, замѣчаетъ, напр., представитель каведры уголовного права въ Парижскомъ университетѣ Le Poittevin („L'Oeuvre“, стр. 507).

¹⁾ Thaller, Вступительная статья къ указ. „L'Oeuvre“ стр. 28 и 31.

мъненія находили темноту и туманность, видѣли отсутствіе опредѣленности и точности. Все это—такъ жаловались—чуждо французскому мышленію, которое-де въ сферѣ права—въ еще большей степени, чѣмъ въ прочихъ сферахъ—жаждетъ ясности и формулъ вполнѣ точныхъ, любитъ прямолинейность и своего рода геометричность построений, воспиталось и изощрилось на аргументаціи, продиктованной только законами логики и свободной отъ неуклюжаго, тяжеловѣснаго груза философіи ¹⁾.

Между тѣмъ невозможно отрицать, что все, рѣшительно все въ писаніяхъ Салейля—и самая область, въ которую онъ сталъ вводить своихъ читателей, и матеріаль, съ которымъ онъ началъ ихъ знакомить, и, наконецъ, тотъ способъ обращенія съ матеріаломъ, который Салейль усиленно старался привить читателямъ,—что все это являлось не только абсолютно новымъ и неожиданнымъ для подавляющаго большинства французскихъ юристовъ, но и въ самомъ дѣлѣ стояло достаточно далеко отъ той прозрачности, простоты и „математичности“, которыя во Франціи, вплоть до послѣдняго времени, считались традиціонно обязательными, единственно „конгеніальными“ уму и духу французскаго народа.

Справедливость требуетъ также согласиться съ тѣмъ, что и самъ Салейль—уже по личнымъ своимъ свойствамъ и условіямъ работы—не всегда оказывался на высотѣ той отчетливости и строгости изложенія, которая такъ важна и цѣнна съ точки зрѣнія доступности читателю мысли автора и недвусмысленности его ученія.

Здѣсь, нельзя не признаться, Салейль нерѣдко оставлялъ желать лучшаго. Подчасъ его разсужденіе неполно—нѣтъ посредствующаго звена; въ другихъ случаяхъ, и это много чаще, онъ, наоборотъ, излишне пространенъ, причемъ, возвращаясь къ одной и той же мысли, къ одному и тому же тезису повторно, онъ не всюду проявляетъ желательную тщательность и даже не всюду говоритъ въ смыслѣ безусловно тождественномъ.

Такъ, въ болѣе раннемъ трудѣ нашего автора о юридическихъ лицахъ, посвященномъ спеціально исторіи командитныхъ товариществъ ²⁾, выдвинута и нѣкоторая теорія

¹⁾ Ср. Thaller'a въ указ. мѣстѣ стр. 8 и „L'Oeuvre“ стр. 13.

²⁾ „Etudes sur l'histoire des sociétés en commandite“ (1895—97).

юридическаго лица. Но при всемъ уваженіи къ труду, нельзя не сказать, что рекомендуемая авторомъ теорія врядь ли вполне уясняется читателю. Мы не будемъ спрашивать, успѣла ли она уясниться окончательно и самому автору. Но фактъ тотъ, что Салейля, на почвѣ относящагося сюда изложенія, причисляли—быть можетъ, поспѣшно, однако добросовѣстно и даже не безъ извѣстнаго объективнаго основанія—къ представителямъ того взгляда, который разгадку существа юридическаго лица видитъ... въ коллективной собственности 1).

Или еще примѣръ. Несмотря на все свое вниманіе и стараніе, читателю первой по времени работы Салейля о владѣннн или, лучше, объ элементахъ владѣннн 2), положительно, нелегко прійти къ твердому выводу по тому обстоятельству первостепенной важности, въ чемъ же, наконецъ, согласно мысли Салейля, заключается анализируемый имъ *animus possidendi*—элементъ одинаково, моль, отличный и отъ присущаго всякому „держанію“ *animus detinendi*, и отъ *animus domini*, какъ его понимаетъ классическая доктрина 3)?

* * *

Мы упомянули объ условіяхъ работы Салейля, какъ о факторѣ, повинномъ, наряду съ другими, въ нѣкоторыхъ ея дефектахъ.

Салейля—замѣчаетъ уже называвшійся нами Thaller—порицають за отсутствіе опредѣленности, ясности, точности. И нѣтъ сомнѣнн, что въ этомъ порицаннн содержится доля истины. Но несомнѣнно и то, что Салейлю было крайне трудно избѣжать отрицательныхъ сторонъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Достаточно вспомнить, какое количество работъ вмѣщалось въ его головѣ, какая масса произведеннн выливалась изъ-подъ его пера. Спѣшно и почти лихорадочно онъ заканчивалъ одно изслѣдованн, чтобы возможно скорѣе обратиться ко второму, къ третьему и т. д., на темы по большей части все разнородныя; не менѣе спѣшно, съ великимъ нетерпѣннемъ писалось затѣмъ и дальнѣйшее...

1) Ср. Michoud въ „L'Oeuvre“ стр. 306 и 326.

2) „Eléments constitutifs de la possession“ (1893—94).

3) Ср. Tissier въ „L'Oeuvre“ стр. 331.

Салейль,—продолжаетъ все тотъ же біографъ,—творилъ съ необычайной легкостью. Свою мысль онъ облакалъ въ форму съ перваго разу, не прибѣгая вовсе къ передѣлкѣ. То была настоящая „импровизація“, съ ея колоритностью, съ ея теплотою. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти качества еще не означаютъ ни опредѣленности, ни точности и ясности и не сообщаютъ продукціи Салейля характера творчества глубоко продуманнаго, окончательно созрѣвшаго, обработаннаго съ надлежащимъ сосредоточеніемъ и вниманіемъ ¹⁾.

Литературное наслѣдіе, оставленное Салейлемъ, по истинѣ, громадно. Когда его стали обзрѣвать болѣе детально, то изумились всѣ — не исключая даже тѣхъ, кто думалъ, что хорошо знакомъ съ научной дѣятельностью Салейля во всемъ ея объемѣ. Покойный самъ велъ записи своимъ трудамъ. Въ этомъ списокѣ, доведенномъ почти до самаго конца, заключается не менѣе 228 названій. Книги и статьи, рѣчи, лекціи и доклады, обзоры и отчеты, предисловія, критики, рецензіи,—всѣ роды, виды и подвиды научной литературы здѣсь представлены въ рѣдкомъ изобиліи ²⁾.

Справедливо замѣчено: если сообразить, что весь этотъ богатѣйшій трудъ относится къ періоду всего лишь въ двадцать пять лѣтъ; что въ теченіе того же времени авторъ неустанно выполнялъ серьезнѣйшія и совершенно исключительныя требованія, какія предъявлялись къ нему, въ его качествѣ преподавателя и профессора; что въ продолженіе всей своей жизни Салейль поддерживалъ обширнѣйшую

¹⁾ Въ указ. мѣстѣ стр. 11.

²⁾ Превосходная „библіографія“ вышедшихъ въ свѣтъ трудовъ Салейля—начиная его докторской диссертацией („thèse“) отъ 1883 года и кончая многочисленными работами 1911 г.—дана въ „L'Œuvre“. Она заполняетъ здѣсь 27 страницъ. Вслѣдъ за нею еще помѣщенъ весьма интересный перечень такъ наз. „cours de doctorat“, читавшихся Салейлемъ въ Дижонскомъ и Парижскомъ университетахъ. Изъ нихъ особенное вниманіе привлекаютъ курсы сравнительнаго гражданского права („droit civil comparé“), объявлявшіеся Салейлемъ ежегодно (за однимъ, вызваннымъ болѣзью, исключеніемъ) на пространствѣ дѣлаго десятилѣтія (отъ 1901—02 академическаго года). Эти курсы, добавимъ, никогда не повторялись и обнимали различные отдѣлы то права наслѣдованія, то имущественнаго права между супругами, то владѣнія, то права собственности, то, наконецъ, ученія о юридическомъ лицѣ. Напомнимъ еще только, что уже извѣстная намъ книга „De la personnalité juridique. Histoire et théories“ (1910)—не иное что какъ „25 вводныхъ лекцій къ курсу сравнительнаго гражданского права о юридическихъ лицахъ“, читанныхъ въ 1907—08 учебномъ году.

переписку, выходящую далеко за предѣлы Франціи; что редакторская работа, работа въ законодательныхъ и иныхъ комиссіяхъ, работа организаторская и общественная поглощали значительную часть его силъ, отнимали у него немало дней, недѣль, мѣсяцевъ; что, притомъ, изъ тѣхъ же двадцати пяти лѣтъ трудовой жизни ровно семнадцать лѣтъ протекли въ условіяхъ самой мучительной борьбы съ жестокою и неумолимою болѣзнию, становившейся съ каждымъ годомъ все грознѣе, все безпощаднѣе,—если обо всемъ этомъ вспомнить, если все это учесть, то нельзя не испытать чувства величайшаго, искреннѣйшаго уваженія и удивленія, болѣе того: преклоненія,—и даже не столько передъ итогами данной работы, не столько предъ умственной силою, о которой работа свидѣтельствуетъ, сколько предъ силою нравственной, предъ мощью душевной, доходившей порою до самоотверженія, граничившей съ геройствомъ ¹⁾).

Чѣмъ же объясняется эта столь неутомимая, торопливая, феноменальная дѣятельность? Или, точнѣе и вѣрнѣе: какова была ея цѣль, къ чему она непосредственно стремилась?

Намъ кажется, что и свойства работы Салейля—ея кипучесть, поспѣшность и вытекающія отсюда несовершенства,—и главнѣйшій объектъ этой работы—нѣмецкая наука, въ связи съ заботою о ея популяризаціи,—что и то и другое объясняется, легко и непринужденно, болѣе или менѣе одинаковымъ образомъ. Мы имѣемъ ввиду—по преимуществу практическій, въ своей основѣ, характеръ стремленій, одушевлявшихъ нашего юриста-патріота.

II.

Фактъ, вѣроятно, способный удивить, но въ то же время несомнѣнный, таковъ: ученый историкъ и теоретикъ Салейль всего болѣе интересовался вопросами современной, реальной, окружавшей его жизни; именно этимъ вопросамъ онъ придавалъ максимальное и первенствующее значеніе; имъ, а не чему другому, посвя-

¹⁾ Ср. Gaudemet въ указ. мѣстѣ стр. 164.

шена была, въ конечномъ итогѣ, вся научная дѣятельность покойнаго.

Салейль отнюдь не былъ кабинетнымъ, отрѣщеннымъ отъ міра ученымъ, не былъ „книжникомъ“. Его идеалы не чисто теоретическіе, отвлеченные. Отношеніе его къ жизни не есть отношеніе сторонняго наблюдателя. Это отношеніе не характеризуется созерцательностью, на немъ не лежитъ печать философскаго спокойствія, безучастной невозмутимости.

Нѣтъ, Салейль уходилъ въ жизнь, уходилъ въ нее съ головой. Онъ не только любилъ людей, но любилъ ихъ активно и постоянно съ ними общился. Онъ горѣлъ желаніемъ помочь людямъ, ихъ утѣшить, облегчить, улучшить условія ихъ существованія; онъ хотѣлъ, чтобы въ мірѣ было больше добра и справедливости,—и дѣятельно отдавался служенію этой цѣли, погружался въ сопряженную съ тѣмъ работу.

По своей психологіи и своему темпераменту Салейль не былъ и не могъ быть ни экзегетомъ и комментаторомъ, ни даже систематикомъ. Салейль былъ—реформаторъ. Право захватываетъ его и увлекаетъ, но съ какой точки зрѣнія? Съ точки зрѣнія не статической, а динамической, со стороны развитія правопорядка и его превращеній на почвѣ неуклоннаго приспособленія къ все новымъ и новымъ условіямъ безостановочно текущей жизни.

Историческая школа—такъ однажды замѣчаетъ Салейль, замѣчаетъ съ явнымъ неудовольствіемъ и осужденіемъ—жила абстрактными воззрѣніями и построеніями. „Народъ мечталъ о социальномъ прогрессѣ, а ему предлагали заниматься филологіей!“¹⁾

Въ своемъ желаніи и стремленіи служить жизни, реальной правовой жизни человѣка и общества, Салейль заходилъ такъ далеко, что порою даже обнаруживалъ, и весьма недвусмысленно, прямо отрицательное, пренебрежительное и почти враждебное, отношеніе къ юридической доктринѣ—къ теоріямъ и построеніямъ, къ общимъ принципамъ въ правѣ.

¹⁾ „Le Code civil et la méthode historique“, въ „Livre du centenaire“ (1904) I стр. 99; русскій переводъ стр. 7 (оттискъ изъ „Журн. Мин. Юст.“ октябрь 1905).

11682 у. нр

Дѣло невѣ въ нихъ, заявляетъ Салейль. Дѣло въ удовлетвореніи потребностей и нуждъ—насущныхъ, неотложныхъ, кричащихъ. И слѣдовательно, продолжаетъ Салейль: если наши такъ наз. принципы юридическіе не согласуются съ вѣдѣніями соціальной справедливости, то и Богъ съ ними со-всѣмъ... Въ такомъ случаѣ поищемъ чего-нибудь другого, что бы лучше согласовалось съ истинными, разумно понимаемыми интересами народа. Прямолинейныя начала и вытекающіе изъ нихъ выводы, логически безупречные и красивые, конечно, могутъ служить полезнымъ средствомъ для классификаціи мыслей—собственныхъ мыслей и мыслей, сообщаемыхъ намъ въ книгахъ. Но и только. Ибо ни эти начала, ни дѣлаемые изъ нихъ выводы не могутъ почитаться пригоднымъ средствомъ къ тому, чтобы найти реальную правду. И всего менѣе они способны создавать гармонію между установленіями права и запросами жизни. Самоочевидно, что дѣйствительность можно обрѣсти только тамъ, гдѣ она находится,—находится же она не въ иномъ чемъ, какъ въ фактахъ, въ результатахъ. Притомъ же, заключаетъ не безъ ироніи Салейль, за нашими теоріями остановки никогда не будетъ. „Пусть только законодатель дастъ отвѣты надлежащія, удовлетворительныя съ точекъ зрѣнія хозяйственной и общественной, а мы, юристы, уже всегда съумѣемъ связать эти отвѣты и примирить ихъ между собою съ точки зрѣнія общей гармоніи юридическихъ началъ“. ¹⁾

Еще, пожалуй, опредѣленнѣе и рѣзче Салейль высказывается въ томъ же смыслѣ въ своихъ, уже извѣстныхъ намъ, Читеніяхъ о юридическомъ лицѣ. Какъ въ началѣ теоретической части этого своего труда, такъ и въ концѣ ея, Салейль настроенъ къ теоріямъ юристовъ одинаково скептически и сурово.

„Право“, учитъ онъ здѣсь въ своемъ вводномъ обращеніи къ слушателямъ, „не есть музей искусства—оно отражаетъ жизнь и являетъ соціальную силу; а потому его необходимо свести къ элементамъ простымъ, способнымъ породить жизнь“. Указывая, затѣмъ, студентамъ на наличность множества теорій и конструкцій, стремящихся разгадать при-

¹⁾ „Bulletin de la Société d'études législatives“ 1909 стр. 110, 1904 стр. 174 и 1901—02 стр. 148; ср. „L'Oeuvre juridique de Raymond Saleilles“ стр. 284 и сл.

роду юридического лица, Салейль торопится добавить: „Я, впрочемъ, не думаю, чтобы всё эти юридическія тонкости стоили въ большинствѣ случаевъ того труда, который на ихъ созидавіе и нагромозжденіе затраченъ. Важно не это, а другое: важно сговориться насчетъ положительныхъ результатовъ, которыхъ намъ надо достигъ“. И въ полномъ согласіи съ этими вступительными словами звучитъ и заключеніе, подводящее итогъ только-что прочитанному курсу:

„Уже недалеко, думается мнѣ, день, когда почва окажется расчищенной и свободной отъ всёхъ контроверзъ, выдвинутыхъ научною доктриною. И тогда наша задача будетъ заключаться единственно въ томъ, чтобы осуществлять, въ области позитивнаго права, тѣ реальныя требованія, какія намъ ставятся прогрессомъ въ мірѣ идей, нравовъ и справедливости. Возраженія чисто теоретическаго свойства насъ тогда перестанутъ затруднять и смущать“. И профессоръ кончаетъ словами: „Такова, вмѣстѣ съ тѣмъ, та цѣль, которая мнѣ служила путеводною нитью на пространствѣ всего моего изложенія. Таковъ методъ, который мнѣ хотѣлось сообщить и внушить вамъ по возможности прочно. Этотъ методъ, все болѣе и болѣе, дѣлается методомъ будущаго“ 1).

Реальность, прагматичность Салейля проливаетъ свѣтъ на многое, очень многое изъ его ученія и его работы, что на первый взглядъ кажется и малопонятнымъ и не заслуживающимъ симпатіи. То направленіе мысли и чувства Салейля, о которомъ мы говоримъ, неразъ здѣсь даетъ и ключъ и—оправданіе.

Такъ, верѣдко недоумѣвали, а частью и негодовали по тому поводу, что Салейль предъявлялъ требованія излишне умѣренныя, что онъ соглашался на нѣкоторый „средній“ путь, мирился съ компромисснымъ рѣшеніемъ—даже тамъ, гдѣ большинству людей и одного съ нимъ правовозрѣнія это представлялось трудно допустимымъ и грубо ошибочнымъ.

Примѣровъ тутъ можно бы привести немало,—мы ограничимся только однимъ,

---

1) „Personnalité juridique“ стр. 306 и сл., 663 и сл.

Хорошо известно, какъ горячо Салейль отстаивалъ, въ вопросѣ о возникновеніи учрежденій, начало полной свободы, какъ сильно его удручала злосчастная, устарѣлая, по-
коящаяся на явномъ недоразумѣніи постановка этого вопроса во французскомъ правѣ XIX вѣка. „Неужели—спрашиваетъ Салейль—частному собственнику, который въ отношеніе своего имущества всемогущъ, который, по признанію классическихъ авторитетовъ, даже вправѣ истребить свою собственность,—неужели вы ему откажете въ правомочіи отдать свою собственность на пользу общества, откажете какъ разъ въ этомъ и только въ этомъ правомочіи? Оставить все свое состояніе человѣку совершенно неизвѣстному, передать то же состояніе богачу и многократному милліонеру, умножить имущество расточителя и т. д.,—словомъ, написать завѣщаніе неразумное, сумасбродное,—все это завѣщатель безусловно вправѣ учинить, и вы не протестуете. Но, по вашему, тотъ же собственникъ не долженъ имѣть права оставить и десятую, и даже сотую часть своего имущества на дѣло призрѣнія бѣдныхъ, на основаніе медицинскаго института для борьбы, положимъ, съ чахоткою, и т. п.“¹⁾

Такъ возмущается Салейль. Но, параллельно съ этимъ, не онъ ли занимаетъ позицію другую, мало схожую? Необыкновенно тѣсный, абсолютно недостаточный объемъ правоспособности, удѣляемый во Франціи такъ наз. „заявленнымъ“ корпораціямъ по закону 1 іюля 1901 года,—этотъ жалкій, по истинѣ, комплексъ правъ Салейль готовъ принять, готовъ одобрить и для учрежденій. Нужды нѣтъ, что тогда учрежденія, подобно корпораціямъ, будутъ урѣзаны до невозможности въ своемъ правѣ пріобрѣтать имущество: Салейль не только считаетъ все это дозволеннымъ,—онъ даже ополчается противъ тѣхъ, кто доказываетъ, что необходимо, по меньшей мѣрѣ, допустить и исключеніе—въ пользу учрежденій, коихъ полная безвредность для государства ясна априорно, и кои, слѣдовательно, безо всякой опасности для государства, можно поставить болѣе широко, терпимо, можно и должно изъять отъ тяжелой обязанности предварительнаго каждый разъ исходатайствованія себѣ разрѣшенія у правительства.

¹⁾ Тотъ же „Bulletin“ 1908 стр. 378 и сл.

Невольно огорчаешься за Салейля, и недоумѣваешь... Но Салейль самъ помогаетъ намъ разсѣять тяжелое недоумѣніе: „Мы заняты—объясняетъ онъ—работою не теоретическою, а практическою. Намъ заботить составленіе не прекраснѣйшаго проекта-идеала, а такого проекта, который будетъ соответствовать нашимъ французскимъ понятіямъ, и который, кто знаетъ, способенъ показаться соблазнительнымъ французскому парламенту. Основными положеніями такого проекта парламентъ, можетъ случиться, въ одинъ прекрасный день и пожелаетъ у насъ „помоществоваться“ 1).

Читатель воочію видитъ: все заданіе—практическое, вся цѣль въ томъ, чтобы продуктъ научнаго творчества пришелся по плечу и по вкусу французскому парламенту—законодательному установленію, заслуги котораго въ области частнаго права—увы!—не велики и не многочисленны.

И, стало быть, ясно: Салейль оттого является умѣреннымъ и уступчивымъ, что онъ смотритъ на вещи реально, что сознаетъ безконечную сложность интересовъ и условій, что отдаетъ себѣ отчетъ въ необходимости удовлетворяться малымъ, терпѣливо полагаясь, въ остальномъ, на мудрое и благодѣтельное время.

Въ тѣсной связи съ тѣмъ же „практическимъ“ взглядомъ Салейля находится, безъ сомнѣнія, и большая часть его общаго ученія о правѣ: о понятіи права, о юридической методологіи, объ источникахъ права—законѣ и обычаяхъ,—наконецъ, о толкованіи права и, въ особенности, о роли судьи въ дѣлѣ толкованія и примѣненія права,—каковой роли, отмѣтимъ кстати, покойный ученый придавалъ огромнѣйшее, прямо экстраординарное значеніе. 2). Къ сожалѣнію, прослѣдить здѣсь эту связь значило бы, без-

1) „Bulletin“ 1909 стр. 151.

2) „Я принадлежу,—пишетъ Салейль—къ школѣ, которая все болѣе и болѣе стремится предоставить очень многое судебной практикѣ, къ школѣ, которая отъ судебной практики ждетъ не только очень многого, но даже гораздо большаго, чѣмъ отъ закона...“ (см. журналъ „La réforme sociale“ 1898 стр. 634). Прибавимъ, что мы привели лишь одно изъ почти необозримаго количества относящихся сюда изреченій нашего автора.

спорно, выйти изъ рамокъ и плана настоящей статьи. Но на одно обстоятельство я не могу не указать.

Достаточно извѣстно, да и нами уже упоминалось, что Салейль удѣлялъ весьма серьезное вниманіе сравнительному праву ¹⁾. Но менѣе извѣстно, какая именно роль, въ глазахъ Салейля, принадлежитъ сравнительному праву. И тутъ нельзя не отмѣтить—къ удивленію, быть можетъ, не одного читателя,—что Салейль этому „droit comparé“, правда, присвоивъ разнообразныя функціи, однако главная функція сравнительнаго права, по ученію Салейля, заключается вовсе не въ томъ, чтобы служить дѣлу теоретическаго и безкорыстнаго параллельнаго изслѣдованія ряда юридическихъ системъ и, затѣмъ, полученія отсюда нѣкоторыхъ строго научныхъ выводовъ. Нѣтъ, Салейль думалъ иначе. Сравнительное право, рассуждалъ онъ, должно прежде всего служить однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ и полезныхъ „техническихъ“ средствъ интерпретаціи національнаго права, однимъ изъ наиболѣе желательныхъ орудій улучшенія этого своего, отечественнаго, права. Благодаря сравнительному праву, развиваетъ свою мысль Салейль, отыскиваются и заимствуются элементы, нужные для эволюціи права данной страны, для обезпеченія ему добраго, прогрессивнаго движенія. Вотъ ради какой цѣли изучаются иностранныя частноправовыя системы. И соотвѣтственно, изученію подлежатъ не всѣ системы, и даже не всѣ системы одной и той же группы, а изучаются, очевидно, лишь тѣ системы, которыя въ своихъ элементахъ могутъ послужить образцомъ для права національнаго и подъ этимъ угломъ зрѣнія достойны рекомендаціи. Ибо слѣдуетъ помнить вотъ что: „важно получить, на почвѣ одного или нѣсколькихъ конкретныхъ законодательствъ, возможность знакомства съ жизнью института, объ усвоеніи или перенесеніи котораго идетъ рѣчь; важно ближе рассмотретьъ практическую организацію этого института, взвѣсить всѣ его преимущества и неудобства и уяс-

---

¹⁾ Дополнительно сообщимъ, что въ Парижскомъ университетѣ была даже учреждена для Салейля самостоятельная кафедра „сравнительнаго гражданскаго законодательства“ („législation civile comparée“).

нить себѣ достигнутые, благодаря институту, результаты“. 1).

Такова, по терминологіи Салейля, „національная наука сравнительнаго права“. Такова, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли не важнѣйшая, на его взглядъ, роль сравнительнаго права вообще. Что эта роль, очевидно, только вспомогательная, служебная и опять-таки своего рода практическая, уже содержится въ сказанномъ и не требуетъ дальнѣйшаго развитія.

Не инымъ чѣмъ, рѣшаемся мы утверждать, какъ все тѣми же свойствами ума и души Салейля, объясняется и большинство темъ, на которыхъ останавливался его выборъ. Для крупнаго числа вопросовъ, разработанныхъ покойнымъ, это вовсе не требуетъ доказательства. До такой степени цѣль, которая здѣсь руководила Салейлемъ, всякій разъ бросается въ глаза. Довольно будетъ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что работа надъ тѣмъ или инымъ вопросомъ у Салейля выливается нерѣдко въ форму просто—законопроекта. Такъ, въ качествѣ отдѣльныхъ лишь примѣровъ, назовемъ законопроекты: о правѣ замужней женщины на получаемое ею жалованье и на сбереженія (1902), о бѣломъ углѣ (1902), о защитѣ и опеку въ избранныхъ дѣтей (1903), объ охранѣ имущества и правоспособности душевнобольныхъ (1904), о злоупотребленіи своимъ правомъ (1905) и т. д. Эти и еще другіе законопроекты были подготовлены и представлены самимъ Салейлемъ. Но Салейль не проходилъ бездѣятельно, равнымъ образомъ, и мимо тѣхъ проектовъ, предварительная разработка которыхъ принадлежала не ему, а другимъ. И въ этихъ случаяхъ проявляется его самое живое, активное, плодотворное участіе. Оно выражается неизмѣнно въ обсужденіи законопроекта—обсужденіи далеко не всегда только устнымъ, но и письменномъ: въ формѣ статей, докладовъ, обширныхъ открытыхъ посланій и т. п. Приведемъ

1) См. статью (собственно: двѣ вступительныя въ послѣдній читанный Салейлемъ курсъ лекціи) „Droit civil et droit comparé“, въ „Revue internationale de l'enseignement“ 1911 стр. 29 и слл. Тѣ же мысли разбросаны еще по ряду другихъ работъ нашего автора—главнѣйшимъ образомъ, журнальныхъ статей и докладовъ на конгрессѣ сравнительнаго права въ Парижѣ въ 1900 году (см. „Congrès international de droit comparé. Procès-verbaux des séances et documents“ I, 1915, стр. 9 и слл., 167 и слл. и др.).

и тутъ нѣсколько примѣровъ: о трудовомъ и коллективномъ договорѣ (1906, 1908), объ отмѣнѣ смертной казни (1907), объ отвѣтственности по обязательствамъ наследодателя (1911), о недѣйствительности брака (1911), объ опекунскихъ совѣтахъ (1911) и др. ¹⁾

Но не только законопроекты и имъ подобные труды—нѣтъ, и тѣ произведенія Салейля, чисто исторической или теоретической характеръ которыхъ вѣдъ всякаго спора,—и они все же не чужды стремленій и цѣлей, если не исключительно практическихъ, то все же практическихъ въ немалой степени. Подчасъ даже поводъ къ выходу въ свѣтъ подобнаго произведенія, къ углубленію въ трактованные въ немъ вопросы выдвинутъ фактами жизни, злободневными событіями того міра, который окружалъ Салейля,—міра политическаго и церковнаго, міра гражданского оборота и отправленія правосудія.

Многимъ ли, напримѣръ, вѣдомо, чтó послужило поводомъ къ составленію едва ли не виднѣйшей изъ монографій Салейля, его „Personnalité juridique“? Оказывается, эта книга, содержащая единственно „Исторію и теорію“, какъ то раскрываетъ самое ея заглавіе, вызвана однако обстоятельствами чисто „практическаго“ свойства. Не говоримъ даже о наболѣвшихъ дефектахъ и несовершенствахъ французскаго права въ интересной здѣсь области юридическаго лица. Мы имѣемъ ввиду другое, имѣемъ ввиду тотъ прямой и непосредственный, своего рода внезапный толчокъ къ объявленію, прочтенію и, далѣе, къ напечатанію Салейлемъ своего курса, который былъ данъ—фактомъ раздѣленія во Франціи церкви и государства. Не иное что, какъ этотъ именно фактъ, произошедшій въ 1905 году, побудилъ Салейля заняться, полнѣе и детальнѣе, ученіемъ о юридическомъ лицѣ;—въ результатѣ, повторяемъ, нѣсколько лѣтъ спустя, появляется его книга. И въ этомъ капитальномъ синтетическомъ сочиненіи, и въ другихъ работахъ Салейля изъ главы о юридическомъ лицѣ, но уже относящихся спеціально къ корпораціи и обнимающихъ лишь небольшое число вопросовъ или даже всего одинъ какой-либо вопросъ (упомяну только о „Юридической организаціи

¹⁾ Всѣ эти работы почти безъ исключенія появились въ уже цитированномъ „Bulletin de la Société d'études législatives“ за указанные въ текстѣ годы.

первыхъ христіанскихъ общинъ“) 1),—здѣсь всюду или почти всюду Салейль стремится прежде всего къ одной конкретной реальной цѣли. Эта цѣль обусловлена теченіемъ французской государственной жизни и для Салейля, какъ вѣрующаго и ревностнаго католика, имѣетъ интересъ первостепенной важности. Салейль стремится достигнуть устроенія во Франціи, на прочномъ юридическомъ фундаментѣ, римско-католической церкви, послѣ того какъ совершилось ея обособленіе отъ государства,—стремится къ утвержденію ея независимости и въ то же время правоспособности, къ обоснованію легальнаго существованія ея церковнаго имущества. Что въ этомъ, какъ разъ въ этомъ заключалось одушевлявшее Салейля стремленіе въ его изслѣдованіяхъ о корпораціи, свидѣтельствуя намъ достовѣрнѣйшіе авторитеты—историки права и публицисты-государствовѣды 2). О томъ же, впрочемъ, и помимо какихъ-либо свидѣтельствъ, вдумчивому читателю говоритъ не одна страница произведеній нашего юриста.

Обратимъ также вниманіе на слѣдующее.

Точка зрѣнія, рекомендуемая, проводимая, защищаемая Салейлемъ—и въ поименованныхъ, напимѣръ, законопроектахъ и въ другихъ трудахъ,—эта точка зрѣнія не только прогрессивна и культурна, не только гуманна и альтруистична—она еще отличается особенною жизненностью и соціальною. Именно соціальною. Орьентація Салейля, такъ можно бы выразиться, была, несомнѣнно и безусловно, соціальная.

Да будетъ позволено на этотъ счетъ подѣлиться еще однимъ-другимъ дополнительнымъ примѣромъ.

Мы уже знаемъ, что Салейль былъ сторонникомъ принципа свободнаго возникновенія учрежденія, этого „младшаго брата“ корпораціи и второго вида юридическаго лица. Но чѣмъ объясняется это его отношеніе? Правильный отвѣтъ будетъ слѣдующій: такое отношеніе диктовалось Салейлю не чѣмъ инымъ, какъ его соціальною позиціей.

Салейль разсуждалъ: желательно, чтобы имущество, при-

1) „L'organisation juridique des premières communautés chrétiennes“, въ „Mélanges P. F. Girard“ (1912) II.

2) См., напр., Fournier и Beudant въ „L'Oeuvre“ стр. 178 и сл., 538 и сл.

надлежащее каждому из насъ, служило по возможности и нашимъ ближнимъ. Но когда же, въ какой моментъ жизни человѣкъ, по общему правилу, всего чаще склоненъ и согласенъ отдать свое достояніе, въ цѣломъ или въ части, на служеніе ближнимъ и обществу? Опытъ показываетъ, что этотъ моментъ есть моментъ смерти человѣка, смерти собственника. Отсюда ясно, что необходимо—въ видахъ содѣйствія наилучшему использованию собственности всѣмъ обществомъ—разрѣшить, чтобы учрежденія создавались волею покойнаго, уже одною его волей. Между тѣмъ, какъ извѣстно, французское законодательство смотритъ на дѣло совершенно иначе: оно отказывается предсмертной волѣ въ требуемомъ полномочіи. И въ остальномъ до крайности антисоціальное, оно и въ настоящемъ случаѣ поощряетъ чрезмѣрно индивидуалистическое наслажденіе благами сего міра. И съ полнымъ основаніемъ Салейль восклицаетъ: „При подобномъ отношеніи къ вопросу со стороны положительнаго права, можно ли удивляться вѣчнымъ, неумолкающимъ жалобамъ на то, что во Франціи, къ нашему искреннему прискорбію, столь рѣдко встрѣчаются учрежденія благотворительнаго и научнаго типа? Можно ли, при этихъ условіяхъ, также удивляться и тому, что у насъ не успѣли выработаться и соотвѣтственные, стоящіе на требуемой высотѣ, нравы и взгляды, что наша частная собственность съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе индивидуальною—въ то время какъ ей, напротивъ того (вспомнимъ Америку!), надлежало бы уразумѣть свое общественное призваніе, свой долгъ передъ обществомъ“. ¹⁾

Или вотъ еще другой примѣръ, не менѣе убѣдительный и яркій.

Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, начиная 1889-ымъ годомъ и кончая 1911-ымъ, т. е., другими словами, на пространствѣ почти всей своей научно-литературной дѣятельности, Салейль былъ занятъ вопросомъ о внѣдоговорной отвѣтственности. Всѣ его относящіяся сюда работы пользуются заслуженнымъ почетомъ, и товарищъ покойнаго, Парижскій профессоръ Massigly, резонно посвятилъ имъ въ „L'Oeuvre juridique de Raymond Saleilles“ одну изъ обшир-

¹⁾ Тотъ же „Bulletin“ 1906 стр. 478.

ныхъ главъ этого коллективнаго труда. Но едва ли не лучшее среди данныхъ произведеній Салейля—это его сравнительно ранняя и небольшая монографія (нынѣ библиографическая рѣдкость), озаглавленная: „Несчастные случаи съ рабочими и гражданская отвѣтственность“ (1897). Въ качествѣ подзаголовка еще добавлено: „Опытъ объективной теоріи отвѣтственности за правонарушенія“. 1) И дѣйствительно: авторъ—представитель и поклонникъ, страстный поклонникъ объективнаго начала причиненія, въ противоположность субъективному началу вины. Салейль проситъ читателя вспомнить и учесть, что если римское право держалось, обратно, принципа вины, то происходило это въ неразрывной связи съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что въ древнемъ Римѣ здѣсь имѣлось, подлинно, и осужденіе и наказаніе, ибо предъ нами область такъ наз. *roenae privatae*. Но, вѣдь, въ настоящее время, настаиваетъ Салейль, дѣло уже идетъ объ иномъ—объ осужденіи и наказаніи, а, конечно, всего лишь о вопросѣ, кто понесетъ рискъ. Да, рискъ, ибо современность требуетъ активной дѣятельности, и, стало быть, современная жизнь слагается непременно изъ цѣпи рисковъ. Человѣкъ не можетъ не дѣйствовать и, очевидно, дѣйствуетъ. Но вотъ приключается несчастный случай. Ясно, что кто-нибудь, неизбежно, долженъ претерпѣть послѣдствія этого случая, понести причиненный вредъ. Но кто именно? кто изъ двухъ? „Тотъ ли, кто совершилъ дѣйствіе, или же тотъ другой, кто оказался жертвою дѣйствія?“ И Салейль снова твердитъ: „точка зрѣнія уголовная абсолютно ни при чемъ, предметомъ разсмотрѣнія служить единственно точка зрѣнія социальная“. Но въ такомъ случаѣ и отвѣтъ уже получился самъ собою: нести ущербъ, платиться за рискъ „обязанъ, по всей справедливости, тотъ, кто, рѣшившись дѣйствовать, тѣмъ самымъ взялъ на себя и послѣдствія своего дѣйствія, своей активности“. 2) Та же общественная точка зрѣнія еще сильнѣе, затѣмъ, выдвигается въ дальнѣйшемъ изложеніи автора. „Объективная теорія“, поясняетъ онъ, „это теорія—социальная: она разсматриваетъ человѣка, какъ участника въ ра-

1) „Les accidents de travail et la responsabilité civile. Essai d'une théorie objectif de ela respónsabilité délictuelle“.

2) Указ. 4 и сл.

ботѣ общества, и трактуеть его, какъ активную силу, которая схватилась съ индивидами, ее окружающими. По мнѣ, нѣтъ ничего болѣе ложнаго, а иногда и болѣе унижительнаго, чѣмъ пресловутая идея вины, то и дѣло, приводимая по адресу малѣйшихъ нашихъ актовъ, малѣйшихъ проявленій нашей свободы. Неосторожностью мы привыкли называть самый обыкновенный поступокъ человѣка, который дѣйствуетъ, а злую фортуна, приведшую къ несчастному случаю, мы превращаемъ въ вину и въ деликтъ. На самомъ же дѣлѣ, девять разъ изъ десяти, всѣ, кто говорятъ о винѣ, и прежде всего сами судьи, прекрасно знаютъ, что такъ же точно, какъ данный „делинквентъ“, поступилъ бы на его мѣстѣ и всякій другой. Разница лишь въ томъ, что другому, быть можетъ, посчастливилось бы и удалось бы избѣжать причиненія вреда. Но если такъ, то вопросъ, слѣдовательно, вовсе не въ винѣ, а просто въ—случайности. Такъ станемъ же называть вещи ихъ настоящими именами и отбросимъ всю эту идею вины... Это будетъ, съ общественной точки зрѣнія, справедливѣе... 1)

Надо ли еще говорить, что, защищая это свое положеніе, Салейль имѣлъ ввиду, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другое—защиту экономически слабого? Принципъ профессиональнаго риска, очевидно, лучше защищаетъ рабочаго, и этой лучшей защиты Салейль, конечно, и желалъ. Въ этомъ смыслѣ тезисъ его книжки, ея заданіе и цѣль могутъ быть названы социальными сугубо, въ значеніи болѣе тѣсномъ и квалифицированномъ.

Къ рабочему Салейль и вообще не былъ равнодушенъ. Салейль даже желалъ, чтобы законодательство, главнѣйшимъ образомъ, интересовалось нуждами именно рабочаго класса. „Вотъ съ какою средою—замѣчаетъ Салейль—наши законы должны считаться въ особенной мѣрѣ, ибо вотъ гдѣ жизненные силы страны. Если вы эти силы повредите, все грозитъ крушеніемъ“. Обратимся, добавляетъ онъ, къ Швейцаріи. „Эта школа насъ научить, какіе нужны законы для демократій, сознающихъ свою роль и свою социальную цѣнность“ 2).

1) Указ. соч. стр. 74.

2) См. „Bulletin de la Société de législation comparée“ 1908—09 стр. 160.

Мы видѣли, что Салейль немало потрудился надъ отдѣльными законопроектами. Но частичныя реформы не удовлетворяютъ Салейля. Частичныя реформы безсильны дать плоды въ желанномъ объемѣ, въ желанной степени. И Салейль, оставаясь все на той же реальной почвѣ, стремится уже къ большому—къ пересмотру всего гражданскаго законодательства Франціи, къ новому изданію Наполеонова кодекса въ его цѣломъ.

Разумѣется, учить Салейль, надлежащій методъ въ дѣлѣ толкованія и примѣненія права (этотъ методъ Салейль окрестилъ, какъ извѣстно, именемъ „историческаго метода“, строго его отличая отъ „исторической школы“ съ ея узкимъ націонализмомъ, съ ея неразумною враждебностью къ закону и законодательству) можетъ принести огромную пользу, и такую, дѣйствительно, онъ принесъ Франціи XIX вѣка. Въ союзѣ съ судебной практикой и опираясь на сравнительное право, данный методъ фактически смягчилъ индивидуализмъ французскаго уложенія и господствующее въ немъ начало формальнаго равенства—смягчилъ въ сторону защиты экономически и социальна слабѣйшихъ классовъ. Этотъ методъ сумѣлъ предупредить и устранить крайнія послѣдствія чисто логическаго пониманія положительной нормы и недостаточно гибкаго ея примѣненія;—онъ сумѣлъ, параллельно съ эволюціей хозяйственной и общественной, позаботиться также объ эволюціи гражданско-правовой, о томъ, чтобы попрежнему гражданское право пребывало въ возможно полномъ согласіи со строемъ и бытомъ, съ правосознаніемъ и совѣстью истекшаго столѣтія на всемъ его протяженіи.

Но совершенно очевидно, такъ продолжаетъ Салейль: изъ того факта, что историческій методъ, въ приложеніи къ гражданскому кодексу, могъ и еще впредь можетъ обнаружить свою плодотворность,—отсюда, понятно, нисколько не слѣдуетъ, чтобы этотъ методъ способенъ былъ, одинъ и самъ по себѣ, добиться всего. Предоставить все дѣйствию прогрессивной эволюціи, на которую сейчасъ указано, и успокоиться на этомъ, не прибѣгая вовсе къ помощи и вмѣшательству закона,—такое отношеніе, въ свою очередь, было бы глубоко ошибочно, такъ полагать значило бы снова впасть въ отправное заблужденіе Савиньи и Пухты. Ибо существуютъ реформы, предъ которыми и судебная практика

и юридическая наука—даже въ своемъ, отнынѣ прочномъ, единеніи и взаимодѣйствіи—пребудутъ всегда абсолютно безсильны. Въ исторіи народа—прекрасно говоритъ Салейль—бываютъ минуты, когда развитіе права нуждается въ потрясеніи, которое бы поколебало его сверху и сообщило ему новый полетъ. Но подобный полетъ можетъ явиться результатомъ только широкой законодательной реформы. Безспорно, что кодексы—продуктъ исторіи, но въ то же время они, несомнѣнно, и сами создаютъ исторію, сообщаютъ ей новое направленіе“. 1) „Неправда, будто кодексъ—это памятникъ неподвижный, которому де суждено остановить движеніе права. Напротивъ того: это—механизмъ, предназначенный всюду будить жизнь... Это орудіе развитія, а не прекращенія развитія, не окаменѣнія“ 2).

Что такой часъ для нынѣшней Франціи уже успѣлъ пробить—было непоколебимымъ убѣжденіемъ Салейля. Въ концѣ того же „Введенія въ изученіе германскаго гражданскаго права“ мы читаемъ: „Настало время заняться редактированіемъ эдикта. Работа французской судебной практики происходившая въ продолженіе цѣлаго столѣтія, требуетъ нынѣ своего закрѣпленія, требуетъ кодификаціи. Когда это осуществится, тогда за границей узнаютъ, каково наше подлинное французское право; тогда увидятъ, что велики его успѣхи и что... не осталось оно позади своего времени, а, наоборотъ, впитало въ себя всѣ элементы проникшей его общественной жизни“ 3).

Вотъ для какой цѣли и съ какимъ намѣреніемъ Салейль обращался къ нѣмецкому праву и нѣмецкой наукѣ права. Салейль хотѣлъ познакомить Францію и ея юристовъ—профессоровъ, судебныхъ и политическихъ дѣятелей—съ новымъ для нихъ міромъ правовыхъ идей и теорій, системъ и положеній. Салейль хотѣлъ, чтобы его соотечественники познали

1) „Le Code civil et la méthode historique“, въ указ. мѣстѣ стр. 128 и сл.; русск. перев. стр. 50 и сл.

2) „Introduction à l'étude du droit civil allemand“ стр. 101.

3) Указ. соч. стр. 123. См. также письмо о необходимости общаго пересмотра французскаго гражданскаго уложенія, написанное Салейлемъ изъ Женевы, гдѣ онъ лежалъ больной, въ октябрь 1904 года—какъ разъ въ то время, когда въ Парижѣ протекали юбилейныя торжества по случаю столѣтія Наполеонова кодекса: „Bulletin de la Société d'études législatives“ 1905 стр. 77 и слл.

то колоссальное движение в области юридической науки и законодательного творчества, какое совершилось тамъ, на родинѣ Геринга и Гирке, Дербурга, Колера и Планка и многихъ, многихъ другихъ, во второй половинѣ XIX вѣка—совершилось въ разнообразныхъ областяхъ: въ области владѣнія и обязательствъ, какъ отдѣльныхъ обязательствъ, такъ и общаго ученія объ обязательствахъ, въ области, юридическаго лица и персональныхъ правъ индивида, въ области вопросовъ объ отношеніи другъ къ другу права и нравственности, разъ, гражданскаго суда и закона, два, и т. д. и т. д. ¹⁾ При этомъ Салейль старается убѣдить, что французская нормировка данныхъ областей и вопросовъ оставляетъ немало желать лучшаго, что она устарѣла и не въ мѣру проста, тѣсна, ошибочна. Напротивъ того, постановка тѣхъ же вопросовъ въ германскомъ уложеніи, на взглядъ Салейля, шире и учитываетъ лучше сложность явленія, а потому разумнѣе и вѣрнѣе. Нерѣдко Салейль, на примѣрѣ германскаго права, даже предлагаетъ вниманію законодателя уже готовые и волюнтаріи пріемлемые для Франціи элементы желательнаго разрѣшенія той или иной цивилильно-политической проблемы.

Естественно, германскій В. Г. В., однако, далеко не во всемъ удовлетворялъ Салейля. Очень многое въ продуктѣ нѣмецкаго законодательнаго творчества Салейлю казалось слабымъ—робкимъ, недодѣланнымъ, половинчатымъ. Трудовой договоръ, права супруги и матери, семейный совѣтъ съ его юрисдикціей, право законнаго наслѣдованія, не допускающее границъ, и вообще территория „соціального права“,—эти части нѣмецкаго уложенія не встрѣчаютъ сочувствія нашего цивилиста.

Все же, повторяемъ, Салейль за новымъ германскимъ уложеніемъ признавалъ крупный и безспорный шагъ впередъ по пути совершенствованія гражданскаго законодательства.

---

¹⁾ См. еще, наприм., „Mélanges de droit comparé II. De la possession des meubles. Etudes de droit allemand et de droit français“ (1907). Ср. здѣсь, особенно, предисловіе и первыя страницы книги, заключающія изложеніе такъ наз. объективной владѣльческой теоріи, опредѣляющей, по мнѣнію автора, „направленіе законодательнаго теченія“.

И этот шагъ впередъ Салейль почиталъ необходимымъ и совершенно обязательнымъ и использовать — использовать въ интересахъ дорогого его сердцу французскаго права.

Рядъ коренныхъ недостатковъ, присущихъ нѣмецкому кодексу со стороны социальнаго пониманія права, — вотъ что, думаетъ Салейль, неминуемо подорветъ вліяніе этого юридическаго памятника, вотъ что помѣшаетъ ему стать твореніемъ адекватнымъ новой, открывающейся сейчасъ эпохѣ — въ такой же мѣрѣ и степени, въ какой прошлой, уже завершающейся нынѣ эпохѣ отвѣчало французское гражданское уложеніе, безупречное по своей однородности и поразительной цѣльности.

На вопросъ: выраженіемъ, столь цѣльнымъ и однороднымъ, чего именно являлся Наполеоновъ кодексъ? — Салейль отвѣчаетъ: „Перевѣса среднихъ классовъ и буржуазнаго индивидуализма — въ самомъ возвышенномъ, впрочемъ, смыслѣ слова...“

Но сейчасъ же Салейль продолжаетъ: конечно, этотъ порядокъ вещей въ настоящее время уже отживаетъ свой вѣкъ; въ лучшемъ случаѣ, онъ претерпѣваетъ серьезнѣйшее, существенное измѣненіе. Индивидъ, мало-по-малу, утрачиваетъ свой суверенитетъ; на авансцену начинаютъ выступать коллективныя социальныя группы, и все громче онѣ заявляютъ о своихъ правахъ, все настойчивѣе требуютъ себѣ признанія. Рождаются противоположности, возникаетъ непримиримость основныхъ началъ, взаимное ихъ исключеніе...

И все-таки, уповаешь Салейль, гармонія между свободою и солидарностью, между неприкосновенными правами индивида и правами группы — она настанетъ. При этомъ, неизбежно, фундаментъ социальному равновѣсію должно будетъ положить гражданское право: оно должно будетъ укрѣпить идею права, на предметъ противодѣйствія органическимъ силамъ, грозящимъ все захватить и все уничтожить — свободу и остальное.

Такова, вмѣстѣ съ тѣмъ, правовая задача будущаго. Но кто же призванъ разрѣшить эту великую задачу? Германскій ли гражданскій кодексъ? ему ли предопредѣлено сдѣлаться законодательствомъ будущаго — подобно тому, какъ французскій кодексъ былъ законодательствомъ отхо-

дящаго прошлаго? Салейль на этотъ вопросъ даетъ отрицательный отвѣтъ: нѣтъ, едва ли. По всей видимости, германское уложеніе не болѣе какъ стадія—переходная.

Еще разъ: да, нѣмецкое законодательство осуществило крупный успѣхъ. Но нельзя же сомнѣваться въ томъ, что предстоитъ осуществить успѣхъ еще болѣе крупный, еще болѣе глубокий,—поворотный. „Въ сферѣ социальнаго права еще свободна первоклассная роль, еще не занято огромной важности мѣсто“.

Кто же займетъ это мѣсто? кто эту роль выполнить?

По мысли Салейля,—Франція, непременно Франція, если только она рѣшится приняться за пересмотръ и переработку своего гражданскаго кодекса—кодекса славнѣйшаго, но считающаго уже свыше ста лѣтъ и отъ жизни, роковымъ образомъ, отставшаго.

Тогда и гегемонія на пространствѣ всей территоріи частнаго права будетъ снова отвоевана у Германіи, и сохранится она за Франціей и въ правѣ будущаго.

Салейль мечтаетъ, надѣется, вѣрить, что все это такъ и сбудется. И онъ призываетъ къ работѣ:

„Германія свое дѣло сдѣлала, и сдѣлала его хорошо. Теперь очередь за Франціей!“ ¹⁾

И юристъ-патріотъ Салейль весь отдается работѣ посильнаго подготовленія вождельннаго національнаго дѣла. Онъ произноситъ рѣчи, читаетъ и организуетъ лекціи и курсы; онъ корреспондируетъ и печатаетъ, онъ издаетъ и редактируетъ журналы и сборники; онъ учреждаетъ комитеты и общества, собираетъ конгрессы,—словомъ, всѣми доступными средствами и способами, на всѣ лады, съ изумительнымъ упорствомъ и съ неменьшею силою, неустанно и непрерывно—Салейль, уже тяжело больной Салейль проповѣдуетъ обновленіе своего роднаго права.

И, волнуясь любящей душой, не оглядываясь назадъ, какъ бы въ предчувствіи своей близкой смерти, Салейль спѣшитъ—торопится сказать все, довести работу до конца, исполнить дѣло жизни...

¹⁾ См. „Introduction à l'étude du droit civil allemand“, стр. 120—124.